

Персона

Вера Киселёва. - 1997. - 6 марта. - 95.

Если бы не "Современник", то Галина Волчек работала бы директором фирмы "Пигмалион"

О Галине Борисовне Волчек, художественном руководителе театра "Современник", написано много в газетных публикациях, в теле- и радиопередачах многократно рассказано о ее фанатичной преданности театру, актерском и режиссерском даровании, несложившихся отношениях с театральными критиками, блистательных гастролях театра на Бродвее, звездном составе театрального коллектива, любимом и талантливым сыне Денисе Евстигнееве... О чем еще можно побеседовать с Галиной Волчек в канун Восьмого марта?

— Галина Борисовна, что такое "женщина" в современном мире?

— Женщина как планетарная субстанция? Нынешняя территория, где женщина стала наравне с мужчиной, намного расширилась. Мне это не совсем нравится, хотя я сама — продукт эмансипации. Мужчины хотят видеть слабых, женственных женщин. Но я горжусь, когда вижу умных женщин, способных наравне с мужчиной совершать поступки, делать открытия. Однако женщина в любом социальном положении, будь она премьер-министром или дояркой, должна оставаться женщиной.

— Вы считаете себя эмансипированной женщиной, тем не менее ваш взгляд на эту "планетарную субстанцию" в какой-то мере консервативен.

— Я не приемлю, когда женщины хвастают своей духовностью, но при этом ходят непричесанные. Как-то я прочитала одно интервью. В нем известная женщина напоказ выставляла свои сексуальные победы. Честно говоря, я не понимаю, когда женщина в 60 с лишним лет и весом в 130 кг рассказывает, какие у нее юные любовники. Скромность и достоинство — эти качества для меня очень важны. Не надо женщине за 50 ходить в мини-юбке, а за 60 — рассказывать о своих сексуальных победах. Умная женщина должна знать что, где и когда.

— В чем же, на ваш взгляд, секрет женского обаяния?

— В каждой женщине есть прекрасное начало, только не надо стараться быть похожим на кого-то. Никогда не забуду один случай. Как-то я сидела в парикмахерской, туда пришла хорошенькая молодая женщина и попросила ей сделать прическу, "как у Марьяши". Я даже не поняла, что она имеет в виду. Оказалась, женщина хотела, чтобы ее причесали под Марианну из известного сериала "Богатые тоже плачут". Героиня "мыльной оперы" была для этой женщины настолько своя, что она ее панибратски называла Марьяшей. Я подумала, что если бы ее причесали не "под Марьяшу", а так, как ей идет, то было бы гораздо лучше. Если бы я не стала режиссером, то хотела бы работать директором фирмы "Пигмалион". Делать женщин прекрасной — это один из видов индивидуальной режиссуры. Мне бы хотелось не только причесывать, одевать, подбирать духи, но и раскрывать ее индивидуальность. Многие женщины себя подгоняют под какой-то стереотип и этим губят

свою уникальность. Почувствовать свою индивидуальность, а недостатки превратить в достоинства — в этом, наверное, и заключается талант быть красивой.

— Галина Борисовна, а женщины-актрисы вас боятся?

— Может, это странно, но я сама их боюсь. Почти всех. Я боюсь с ними поссориться, боюсь, что они взбрыкнут, что они обидятся. И они об этом знают. Есть еще одна особенность моей профессии. Я не хочу о них знать то, что может меня в них разочаровать. Ведь завтра мне надо прийти на репетицию и их любить! Я так всем и говорю: "Не рассказывайте мне, что кто-то нахамил, не надо! Мне завтра с ними работать. Я не хочу знать!" Правда, бывают какие-то моменты, когда они не то что боятся меня, но, зная качество моего темперамента, опасаются, что я могу разозлиться. Я думаю, что все-таки главное качество моей профессии — терпение. Бывали случаи, когда я так сжимала кулаки, что ногти впивались в ладонь до крови. Я не мстительная, так что им, к сожалению, особенно нечего бояться.

— Говорят, у вас в театре какой-то особый, семейный микроклимат?

— Как в каждой семье, у нас есть свои ссоры, обиды, иногда почти невыносимые ситуации. Но есть и такое неформальное любовное отношение, которое бывает в хорошей семье, неравнодушие друг к другу. Мне очень приятно, что все дни рождения и, не дай Бог, горестные события мы отмечаем в театре. Это стало органикой нашего дома, внутренней потребностью.

— Я слышала, вы хотите поставить "Вишневый сад"?

— Не один театр не может жить без классики. Кроме того, интересно посмотреть, насколько мечты героев "Вишневого сада" о нашей сегодняшней жизни исполнились. Это будет новая постановка после многих лет, прошедших со дня моей первой постановки "Вишневого сада". Что-то самое существенное сохранится, но это будет другой спектакль. Тот "Вишневый сад" прожил недолгую жизнь, это было связано с уходом Татьяны Лавровой во МХАТ.

— Как получилось, что вы стали участницей другого театрального действа? Того самого, которое носит название "Дума"?

— Я никогда не входила ни в какие группировки. Даже в те суровые времена, когда быть беспартийной в моем положении было небезопасно. Предложение баллотироваться от блока "Наш дом Россия" было для меня полной неожиданностью. Виктор Степанович Черномырдин меня не уговаривал, а пытался мне объяснить, почему это сейчас нужно. Я думаю, что любой опыт художнику очень полезен.

— А какой личный опыт вы использовали в спектакле "Кто боится Вирджинию Вульф"?

— Мне было откуда черпать для Вирджинии Вульф эмоциональный багаж. В моей жизни: я хорошо трагически мину: я хоронила близких, родных людей, разводилась с мужьями, которых любила, переживала моменты

страшного предательства. И это все откладывалось в моей эмоциональной памяти. Какие-то мечты умирали на самом взлете. Бог подарил мне возможность быть матерью, мне не надо было придумывать мифического ребенка. Но мало ли какие мечты не осуществились в моей жизни!

— Может, от мифического ребенка перейдем к реальному? Денис внешне похож на Евстигнеева. Какие черты он унаследовал от вас?

— Говорят, что когда он рядом со мной, он очень похож на меня. Внутренне — трудно сказать. Он, наверное, что-то унаследовал и от меня, и от Евстигнеева. Я иногда угадываю в нем и черты Жени, и свои собственные. Про Дениса трудно сказать, что он на какого-то похож, настолько он самостоятельный, где-то даже самостоятельный человек.

— А какие слабости есть у Галины Волчек?

— Я очень люблю духи. Это одна из моих давних слабостей. Я очень реагирую на запахи — может, в той, прежней, жизни я была собакой? Мои любимые духи фирмы "Герлен". Я пробую и другие духи, но "Герлен" у меня, и от Евстигнеева. Я иногда угадываю в нем и черты Жени, и свои собственные. Про Дениса трудно сказать, что он на какого-то похож, настолько он самостоятельный, где-то даже самостоятельный человек.

— А сигареты?

— Сигареты — это единственное мое спасение, я тянусь к ним, как к соске. Не могу бросить курить, все мои пороки в этой пачке. Даже врачи говорят, что теперь бросить курить для меня небезопасно. У меня силы воли хватало на многое, но не на это. Из-за моего пристрастия к курению во время гастролей на Бродвее со мной случился забавный случай. Точнее, нелепый. Представьте шикарный Бродвей, весь в огнях, толпа нарядных людей, которые идут в театр на первое представление. Меня поставили в специально отведенное пространство для встречи с представителями прессы и VIP (очень важными персонами). Я должна была их встретить,знакомиться, улыбаться. Оделась элегантно: на мне был красивый черный костюм с бархатными бордовыми манжетами и такими же бордовыми пуговицами. И так, я стояла в этом царственном костюме в привилегированном проходе. Когда публика вошла в зал, я захотела покурить. Но, в отличие от нашего театра, там не было места, где режиссер может посидеть, поговорить, покурить спокойно. Я попала в маленькую комнатку, там стояла какая-то табуретка, и все. Не было даже пепельницы. Я поймала себя на мысли, что та самая дама в шикарном костюме, которую только что знакомили с важными персонами, сидит в камерке на крохотной табуретке, тайком курит (там курить вообще было нельзя) и бросает пепел с окурками в банку изпод кока-колы.

— Прямо-таки блеск и нищета Галины Волчек!

— Да, что-то в этом роде...

Беседовала
Лариса ТОКАРЬ.